

**Документологический тезаурус:
анализ и использование**

Рец. на кн.: Столяров Ю. Н. Документология : учеб. пособие / Ю. Н. Столяров; Моск. гос. ун-т культуры и искусств; Орл. гос. ин-т искусств и культуры. – Орёл : Горизонт, 2013. – 370 с. Рассмотрена новейшая редакция документологического тезауруса, представленная в книге.

Ключевые слова: документология, документологический тезаурус, документский, документивный, документарный, документизм.

«Документология»... Наконец-то держу в руках эту долгожданную, как говорится, ещё пахнущую типографской краской книгу. На стильной обложке нет избыточных деталей, лишь знаменитая аллегория Джузеппе Арчимбольдо: угловатый «Библиотекарь» неподвижно застыл на холсте эпохи Позднего Возрождения. А по страницам, устремляясь от главы к главе, льётся потоком живой язык курса лекций, читая который, будто переносишься в аудиторию и слышишь голос профессора.

Но как это ни парадоксально, книга может одновременно служить и удобным справочником, настолько рационально и подробно составлено её оглавление. Взгляд скользит по разделам: «Законы...», «Эволюция понятия документ»... Сразу привлекает внимание лекция «Документологическая терминология». Интерес не случаен, ведь автор учебного пособия Юрий Николаевич Столяров уже много лет активно работает над документологическим тезаурусом, пополняя и совершенствуя научную терминологию – основу основ выражения мыслей и обмена идеями, публикуя яркие и запоминающиеся статьи (см., напр. [1, 2]). Однако лекция – не статья, здесь материал должен быть изложен особым образом, предельно чётко и кратко, максимально доступно для учащихся, впервые приступающих к постижению документологии – фундаментальной науки, которая для большинства совершенно незнакома.

Юрий Николаевич – изобретатель ряда научных неологизмов; на первый взгляд может показаться, что он предлагает очень много новых терминов. Попробуем их перечислить:

- *документный* – состоящий из документов, например, документный фонд;
- *документарный* – представленный в виде документа, сопровождаемый документом, например, документарный запрос;
- *документивный* – исходящий из приоритета документа, например, документивная система;
- *документский* – свойственный, принадлежащий документу, например, документский реквизит;
- *документизм* – концептуальный подход к объектам внешнего мира как документам.

Вот и все базовые термины, оказывается, их только пять! Остальные – интуитивно понятные производные. Например, от «документарный» – «документаризация» как процесс создания документного сопровождения, от «документивный» – «документизация» как уровень, степень документного оснащения, от хорошо знакомого всем «документальный» (т.е. включающий в себя подлинные документы) – «документализация» как достижение фактологической достоверности путём подтверждения документами.

Излишне говорить, что новые термины построены по всем правилам словообразования, многократно выверены и уточнены их автором.

С некоторым дискомфортом воспринимается, пожалуй, лишь новый термин *документский*, он звучит как будто бы с уничижительным оттенком. Но критиковать всегда легко, сложнее найти и предложить альтернативный вариант. Рассмотрим другие существительные, заканчивающиеся на *-ент*, как и слово документ. Суффикс *-ск-* традиционно образует прилагательные, обозначающие географические названия, поэтому Ташкент – ташкентский, Дербент – дербентский звучит вполне гармонично.

«Документ» же – отнюдь не географическое название, это предмет или понятие. Воспользовавшись многочисленными и весьма удобными сайтами для любителей кроссвордов, подберём аналогичные слова:

абонемент, абсент, абсорбент, аккомпанемент, акцент, ангажемент, антаблемент, ... цент, эквивалент, эксперимент, элемент.

Без сугубо технических терминов в списке оказалось около 60 слов. Ни для одного из них с помощью суффикса *-ск-* нельзя образовать прилагательное, а отношения наличия свойств или принадлежности выражаются посредством изменения падежа (срок абонемента, детали антаблемента и т.п.) Исключение составляет лишь *парламентский*, если рассматривать парламент в значении «законодательный орган, форма управления», а не «группа избранных людей». Ну что же, по крайней мере, один аналог слова «документский» найден.

Справедливости ради рассмотрим и слова на *-ент*, обозначающие одушевлённые объекты: абитуриент, абонент, агент, ассистент, декадент, ... рецензент, реципиент, студент; всего удалось найти около 30 таких слов. У них суффикс *-ск-* «в почёте»: практически ото всех существительных с его помощью образуются прилагательные (*абонентский*, *декадентский* и т.д.) Но документ – неодушевлённый объект, поэтому аналогию провести можно лишь с большой натяжкой. Впрочем, среди одушевлённых существительных выделяется одно – студент, от которого образуется прилагательное не по общей схеме – *студенческий*. А можно ли сказать «документский»? Пожалуй, можно: документский реквизит. Но благозвучием это слово не отличается, с красавцами-терминами *документивный* или *документарный* не сравнить. Пожалуй, и *документский* совсем не так уж плох, как это показалось на первый взгляд...

Многие, вероятно, зададут вопрос: зачем нужна вся эта «игра в слова»? Ведь есть хорошее, привычное слово «документальный», его можно использовать в разных смыслах, которые будут понятны из контекста. Зачем изобретать новые, да ещё в таком количестве, да ещё все их запоминать, а потом ещё и следить за правильным словоупотреблением? И без того дел невпроворот, и на рабочем столе гора бумаг растёт прямо-таки угрожающе...

Кстати, о неразобранных бумагах-документах. Нет, пожалуй, в наши дни человека, который бы не сталкивался с бюрократической волокитой, не ругал бы её, а заодно всех чиновников и управленцев. Ситуация, знакомая каждому: стоит затеять какое-то дело, и папка с документами начинает распухать «как на дрожжах». Из года в год становится всё больше плановых и отчётных документов, запрашиваемых от организаций (любой руководитель библиотеки или научный работник это знает не понаслышке). И сами управленцы вроде бы тоже не рады этому, они тоже задыхаются под напором документных потоков, но сделать ничего не могут. Почему?

Обыватель, как правило, видит причину этого в «нерасторопности и нерадивости, взяточничестве и недостаточной компетентности чиновников». Но грех мздоимства берут на душу лишь единицы, а образование управленцы получают в наши дни неплохое. И вряд ли возможно, что в какой-либо организации соберутся только нерасторопные и нерадивые служащие.

Если некое явление не поддаётся разумному объяснению, уместно предположить, что действует пока ещё не выявленная закономерность более высокого порядка. Может быть, попробуем рассмотреть ситуацию с *позиций документизма*?

Как только мы намереваемся вступить во взаимодействие с какой-либо документивной системой (а именно таковыми являются все официальные органы и организации) [3. С. 18], мы вынуждены перейти на язык документов, ибо другого эта система просто не понимает. И вот мы составляем заявление или нечто подобное, прикладываем к нему одну–две справочки и запускаем этот комплект в недра целевой системы, выступая в роли документивной системы, только значительно менее развитой. Ответ высокоразвитая документивная система даёт нам, естественно, на своём «родном» языке, в котором все «слова» – сплошь документы. С этими ответами (содержащими иной раз немало вопросов) мы вынужденно обращаемся к иным документивным системам, собирая и подшивая к делу всевозможные письма, свидетельства и справки. Документарная оснащённость (или степень документизации) нашей жизни стремительно возрастает.

Напрашивается вывод, который уместно сформулировать научным языком, благо в нашем распоряжении теперь есть обширная документологическая терминология: *всякая развитая документивная система повышает уровень документизации смежных и сопряжённых систем.*

Это явление можно условно назвать *документарным заражением*. Как больной гриппом волей-неволей

распространяет вокруг себя вирусную инфекцию, так и любая исходящая из приоритета документа (документивная) система посредством живых носителей и/или технических средств «излучает» во все стороны порции новых и новых документов. Они поступают в соседние открытые для них документивные системы. А также пытаются пробиться в иные, пока не столь документизированные и гостеприимные. Впрочем, обязательна ли негативная медицинская аналогия? Лучше скажем так: как оптимист излучает вокруг себя бодрость духа и хорошее настроение...

Вернёмся к примеру с настойчивым просителем. Получается, что на всякий «входящий» документ целевая документивная система даёт своего рода «иммунный» ответ. Да-да, мы вполне можем говорить о *документизационном иммунитете*, если система на вторжение нового документа привычно и адекватно реагирует «домашней заготовкой», т.е. уже имеющимся в её распоряжении типовым документом: «На Ваш входящий №...» и т.д. Более того, документизационный иммунитет может быть как «врождённым», так и «приобретённым»: один раз столкнувшись с документом нового типа/содержания и сгенерировав «ответную реакцию», система в той или иной степени обучается, берёт этот навык на вооружение.

Независимо от наличия и типа иммунитета, уровень документизации системы-реципиента тоже всегда немного повышается: ведь она как минимум приняла в свои недра входящий документ и, весьма вероятно, в ответ создала или внутренние документы, или собственные исходящие. Если это не вызывает нарушения стабильности системы, является для неё нормальным и «привычным», можно говорить о *документизационной устойчивости*. А вот одиночный человек-проситель, вынужденный раз за разом писать и переписывать заявления, вновь и вновь добывать справки и т.п., свою небольшую документизационную устойчивость, как правило, быстро теряет. Но в редких случаях, накапливая опыт общения с высокодокументивными системами, так сказать, «закаляясь в боях», начинает входить во вкус и с удовольствием общается на вновь освоенном языке.

Справедливости ради надо заметить, что существуют системы, способные «возразить» на попытку документного вторжения: «Да что мне ваши бумажки? Они для меня ничего не значат!», и можно говорить об их *документизационной невосприимчивости*. Такие системы попросту не являются документивными (исходящими из приоритета документа). Например, чтобы пойти в лес за грибами и ягодами, пока в большинстве случаев никаких документов не требуется (по крайней мере, в России). Хотя документаризация в отдельных случаях уже несомненно наличествует: например, чтобы срубить в лесу даже сухое дерево или подстрелить дичь, нужна лицензия. Дальнейшая, более высокая, степень документизации – дело времени.

Рассмотрим сложный случай, когда человек выступает не в эпизодической роли просителя, а в силу служебного положения и/или научного статуса постоянно входит в контакт сразу с несколькими развитыми документивными системами. Как волны от многочисленных брошенных в воду камней, реакции сопряжённых документивных систем будут перекрывать, создавая сложный «рисунок», где-то, возможно, угасая, а где-то, наоборот, усиливаясь. Будучи одновременно элементом многих развитых документивных систем, человек становится, по сути дела, носителем, выразителем и заложником их «завоевательной» активности.

На каком-то этапе наш воображаемый герой может даже столкнуться с явлением *документизационного резонанса*, став жертвой настоящего «документного цунами». И растёт на столе гора непрочитанных бумаг, а в ящике электронной почты теснятся давно ожидающие ответа письма... Продолжая «морскую» аналогию, можно вспомнить и о другом опасном явлении – так называемой «мёртвой зыби», хаотичном вертикальном волнении воды при полном отсутствии её поступательного движения. Увы, тоже знакомая ситуация: хлопчем, суемимся, бумажки куда-то перемещаем – а дело ни с места.

Похоже, истоки безнадёжной бюрократизации нашей жизни – совсем не в «скудоумии» или «нерасторопности» чиновников-администраторов, и напрасно мы их ругаем? Истинная причина может скрываться в непреодолимом действии документологической закономерности.

Думается, занимательных примеров уже достаточно. Чтобы они не заслонили собой суть вопроса, ещё раз повторим: *всякая развитая документивная система повышает уровень документизации смежных и сопряжённых систем.*

Но что же представляет собой это положение? На первый взгляд, оно кажется почти аналогичным первому закону документологии – закону документизации, гласящему, что всякий социально значимый акт

нуждается в документарном оформлении [3. С. 17]. Однако у нас речь идёт не об отдельных документарно оформляемых актах, а о взаимодействии и взаимном влиянии документивных систем в целом.

Вспоминается также одно из следствий первого закона документологии. Суть его в том, что каждая область деятельности способна создавать новые виды документов для своих нужд, но эти виды документов могут затем успешно использоваться и в других областях [Там же. С. 20]. Однако выдвигаемое положение говорит не только (и, пожалуй, не столько) о видах документов, но в первую очередь об их абсолютном и относительном количестве. И не о потенциальной возможности, а о фатальной неизбежности повышения степени документизации при всяком (непосредственном или опосредованном) контакте с развитой документивной системой.

Нельзя приравнять выдвигаемое положение и к другому следствию из первого закона документологии – о постоянном возрастании документного массива [Там же. С. 19]. Действительно, всякий документ может повлечь за собой создание последующих, отсюда – бесконечное разнообразие документов и их сложнейшая диффузия в глобальном документообороте [Там же. С. 34, 35]. Мы же ведём речь об одном из аспектов этой диффузии – своего рода «агрессивности» развитых документивных систем по отношению к менее развитым. Высокодокументивные системы как будто стремятся обогатить и заполнить документами всё, что с ними так или иначе соприкасается, образно выражаясь – «обратить других в свою веру».

Отважмся сформулировать два собственных следствия из предложенного к обсуждению тезиса:

- о возможности документизационного коллапса в одной или нескольких взаимосвязанных документивных системах;
- о необходимости принудительного регулирования документарного взаимодействия систем.

На практике это порождает, например, широкое внедрение автоматизированных систем управления, заключающих документные потоки в «гранитные набережные» формализации. За такое решение проблемы приходится расплачиваться снижением гибкости: многим, вероятно, знакома ситуация, когда требуется заполнить обязательное поле в какой-либо форме, хотя по смыслу писать там нечего. Или когда «программа не выдаёт» итоговый документ необходимого (в конкретном случае) формата или содержания, и приходится довольствоваться универсальными отчётными формами. Впрочем, эти погрешности пренебрежимо малы в сравнении с пользой от автоматизированного «усмирения» документных потоков.

Что же нас ждёт в будущем? Невольно напрашивается аналогия с противостоящими друг другу экологическими гипотезами Геи и Медеи. Первая (автор – Джеймс Лавлок) приписывает нашей мудрой планете-Гее способность к саморегуляции [4]. Вторая гипотеза (автор – Питер Дуглас Уорд) декларирует обречённость жизни на Земле, поэтому в её наименовании использован мифологический образ Медеи, убившей собственных детей [5].

Обладает ли совокупность созданных человеком документивных систем способностью к саморегуляции, или мы вынуждены искать всё новые и новые способы предотвращения «документных катаклизмов»? Этот вопрос выходит за рамки нашего небольшого исследования, основной вывод которого – тезис о влиянии развитых высокодокументивных систем на смежные и сопряжённые системы.

Даже если выдвигаемое положение – не самостоятельная закономерность, а лишь скромное следствие из существующих законов или даже просто спорная гипотеза – это ведь тоже научный результат. Хочу особо подчеркнуть, что именно скрупулёзные терминологические исследования Ю. Н. Столярова вдохновили автора статьи на размышления. А разрабатываемый Юрием Николаевичем документологический тезаурус позволил кратко и единообразно изложить все рассуждения и примеры и предельно лаконично сформулировать вывод. Попробуйте высказать ту же мысль другими словами, без использования документологических неологизмов – и «трёхэтажного» сложноподчинённого предложения не избежать.

А началось-то всё с критического анализа новых терминов, с «избыточной», казалось бы, игры в слова... Поэтому в заключение хочу процитировать российского философа, писателя, культуролога, доктора философских наук В. Л. Рабиновича: «*Сквозь термины – к звёздам!*»

Список источников

1. Столяров Ю. Н. Документологический тезаурус / Ю. Н. Столяров // Библиотеки и информационные

ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: 11-я Междунар. конф. «Крым–2004». Тр. конф. – Москва, 2004. – Отдельный файл на CD-ROM.

2. **Столяров Ю. Н.** Развитие документологической терминологии / Ю. Н. Столяров // Науч.-техн. информ. – 2004. – Сер. 1. – № 8. – С. 5–10.

3. **Столяров Ю. Н.** Документология : учеб. пособие / Ю. Н. Столяров; Моск. гос. ун-т культуры и искусств; Орл. гос. ин-т искусств и культуры. – Орёл : Горизонт, 2013. – 370 с.

4. **Гипотеза Геи.** – Режим доступа: <http://elementy.ru/trefil/21138>

5. **Цветущая** земля неблагоприятна для жизни? – Режим доступа: <http://www.membrana.ru/particle/807>